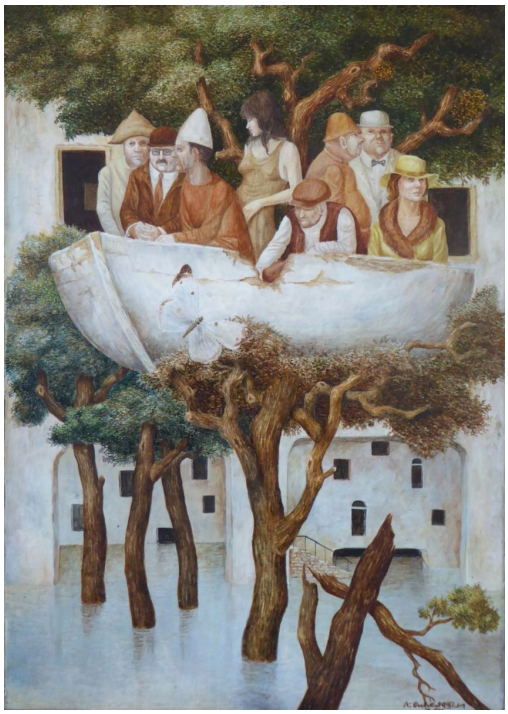
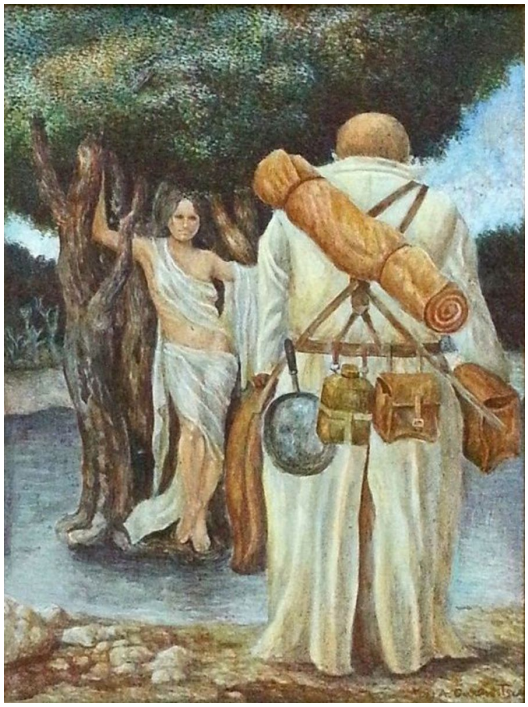
Век Анатолия Гуревича

«Ноев ковчег»

«Возвращение с войны»

Анатолий АлександровичГуревич родился в Москве 26 марта 1916 года. Когда ему было два года, семья эмигрировала в Германию. Однако и там построить жизнь всерьез и надолго не удалось: через год после прихода к власти Гитлера семья эмигрировала вновь, на этот раз — в Палестину/Эрец Исраэль. В 1933-1939 гг. этим маршрутом проследовали четверть миллиона человек, объединенных в израильской историографии термином «пятая алия».

Тема исхода — вначале от большевистского переворота, потом от гитлеровского фашизма — для Анатолия Гуревича была чрезвычайно значимой, именно через эту призму стоит анализировать ряд его работ, в том числе «Ноев ковчег». Перед нами белая лодка на ветвях деревьев, в которой собрались самые разные люди — пожилые мужчины в беретах и котелках, человек восточного вида в белой чалме, элегантная женщина в мехах и шляпке. Все они спасаются от наводнения, которое уже затопило корни деревьев. На краю бортика притаилась большая белая бабочка с прозрачными крыльями — она напоминает о голубе, которого Ной выпускал из Ковчега, чтобы узнать, закончилось ли уже вселенское бедствие… Все, спасающиеся в

ковчеге от гитлеризма люди, респектабельно одеты, дамы — в вечерних туалетах, почти все мужчины — в пиджаках и при галстуках (один даже в бабочке). Они вынуждены были бросить все свое имущество, все напряжены, ни один не улыбается. Однако сорганизоваться, чтобы не пропасть поодиночке, они не пытаются — персонажи не взаимодействуют между собой, не только не общаясь, но и почти не глядя друг на друга. Каждый из них демонстрирует, что оказался на этом видавшем виды суденышке беглецов случайно, каждый уверен, что очень скоро вернется и восстановит свой статус… Они не хотят верить, что покидают родные места навсегда, и еще не догадываются, какие тяготы предстоит пережить им, «бывшим» успешным горожанам, посещавшим оперы и концерты в филармонии, на новом месте, пока оно станет для них (а скорее, уже только для их детей) новой родиной…

Тема исхода — вначале от большевистского переворота, потом от гитлеровского фашизма для Анатолия Гуревича была чрезвычайно значимой

Анатолий Гуревич прожил в Тель-Авиве более семидесяти лет. Он учился живописи в художественной школе в Берлине, а затем продолжил художественное образование во Франции и в Италии. Начав в Эрец Исраэль рабочим сцены, позднее он стал заниматься оформлением спектаклей. Однако «Габима» была одна, и там уже хватало своих театральных декораторов; Гуревич сумел попасть туда лишь десятилетия спустя. Первой его работой в качестве художника-постановщика стало оформление спектакля «Исключение и правило» по пьесе Бертольда Брехта, поставленного любительской группой кибуца Гиват-Хаим в 1938 году. Однако история вновь проявила свою железную поступь, и мечты о живописи и театре пришлось отложить…

В 1939 году Анатолий Гуревич опубликовал пронзительную брошюру, озаглавленную «Помогите!», включавшую в себя репродукции пятнадцати гравюр, посвященных преследованиям евреев в нацистской Германии. Это

был пророческий вопль вопиющего в пустыне, оставшийся неуслышанным. Евреям Германии никто не помог — напротив, британские мандатные власти как раз в мае 1939-го приняли новую «Белую книгу», положившую конец возможности иммиграции в Эрец Исраэль. Именно тогда планета стала такой, какой ее с горьким лаконизмом описал Хаим Вейцман: «Мир разделился на два лагеря: на страны, не желающие иметь у себя евреев, и страны, не желающие впускать их»…

Вторую мировую войну Гуревич провел на службе в британской армии на территории Египта, Ливии и Туниса, занимаясь составлением карт, необходимых для проведения боевых операций. С войны никто и никогда не возвращается счастливым, пусть со стороны и кажется, что все выжившие — уже счастливцы. На картине «Возвращение с войны» изображен стоящий на берегу озера солдат, а на другой стороне, держась за ствол дерева, на него смотрит исхудавшая женщина в белом одеянии. Она изумленно и сосредоточенно вглядывается в его лицо, несмело и тревожно, будто боясь обмануться, не веря происходящему. На поясе воина, одетого в белую плащ-палатку, болтается фляга с водой, походная сковородка, на спине — свернутый пустой мешок — все то, что служило ему годы жизни в окопах. Таким он прошел тяжкие дороги войны и вернулся к той, что ждала его все это время, живя, как на одиноком острове, окруженном безразличной синевой. «Жди меня — и я вернусь, только очень жди…» Ее молодость прошла раньше времени, ее волосы тронула седина, ее тонкие губы сжаты, чтобы сдержать крик, — но впервые за многие годы ее взгляд оживает, видя вернувшегося солдата. Они еще не вместе, чтобы обнять друг друга, одному из них нужно перейти реку — и хочется верить, что это не река Стикс в подземном царстве Аида и что они стоят на разных берегах не потому, что ждут Харона...

Вторую мировую войну Гуревич провел на службе в британской армии на территории Египта, Ливии и Туниса

После войны Анатолий Гуревич все-таки сумел вернуться к творческой деятельности, став с течением времени одним из ведущих театральных художников в Израиле. Он выполнил эскизы декораций и костюмов для многих драматических и хореографических постановок; среди коллективов, с которыми он сотрудничал, были театры «Габима», «Охель», «Метате», Израильский балет и другие. Его последней работой в театре стала пьеса «Дом на улице Шенкин», поставленная в 1986 году в театре «Габима» его сыном от короткого первого брака с балериной Хильдой Кастен Михаэлем Гуревичем, одну из главных ролей в которой сыграла вторая жена художника и мать его младшего сына Эяля актриса Ривка Гур. Гуревич также был одним из создателей первого в Израиле кукольного театра «Бубонит», где в 1969 году была поставлена его пьеса «Приключения Гидеона и Руфи в космосе».

Работая в театре, художник вынужден следовать тому, что диктует ему режиссер-постановщик и административное руководство, вечно озабоченное сокращением стоимости производства. Живописные произведения Гуревича говорят поэтому о его искусстве несравнимо больше, чем театральные проекты. Произведения эти остаются, однако, почти не известными, ибо ни в одном из израильских музеев его выставки никогда не устраивались. Родившийся в Германии в 1933 году сын сестры Гуревича Берты Игаль Тумаркин, оказавшийся в Эрец Исраэль в двухлетнем возрасте, стал очень известным художником и скульптором, одним из лидеров нового израильского авангардного искусства. Гуревич же навсегда остался частью культурной среды, сформировавшейся в Веймарской Германии, в мейнстрим искусства израильского так и не влившись.

Гуревич остался частью культурной среды, сформировавшейся в Веймарской Германии, в мейнстрим искусства израильского так и не влившись

Стиль Анатолия Гуревича можно охарактеризовать как жесткий и сдержанный фантастический реализм. Персонажи на его полотнах всегда

компактно сгруппированы и очерчены резкими, четкими линиями. Ощущение единения персонажей достигалось противопоставлением им окружающей среды и наполняющих ее предметов. При создании своих работ Гуревич нередко использовал полиэстер, провода, фрагменты сеток и всевозможные мелкие предметы. Мир, созданный им в работах, выполненных из этих материалов, отражал идею беззащитности, сиротства современного человека и его постоянный страх перед гибелью. Тем не менее даже в этих полотнах присутствовала искра надежды на спасение, которая пробивалась сквозь тьму и мрак обреченности.

«Остров одиночества»

«Надгробие»

По свидетельствам тех, кто его знал, Анатолий Гуревич был человеком экзистенциально очень одиноким, и одно из его полотен кажется особенно автобиографическим. На нем изображен старец в лодке, примостившейся на возвышении маленького острова и нагруженной домашней утварью — здесь можно увидеть гору коробок, напольные часы, даже манекен для женской одежды — все это кое-как прикрыто покрывалом; здесь же сидит сам седобородый хозяин. Он погружен в полусон-полудрему, подперев подбородок рукой, примостившись к выщербленному краю лодки. Островок со всех сторон окружен морем — вода простирается до самого горизонта, лишь вдали видна скала, молчаливая и безжизненная. Старик совершенно один среди домашнего скарба, у борта лодки — крошечный белый домик с глубокой трещиной, за ним — полуразрушенная каменная стена. Здесь нет ни

единой травинки — только два сломанных сухих ствола торчат из земли. Все это — и обветшавший, опустевший дом, кажущийся таким крошечным и тесным, и нехитрая домашняя утварь, весь этот безлюдный островок — это и есть весь мир человека, проводившего в мир иной многих из своих близких и фактически забытого теми, кто остался жив. А часы с серебряным циферблатом над его головой неумолимо отбивают время, которого у него остается все меньше и меньше...

Анатолий Гуревич скончался 20 января 2005 года, и картина «Надгробие», очевидно, является его автоэпитафией. Зритель видит на переднем плане огромный деревянный помост, напоминающий могильную плиту, лежащий прямо посреди пустыни. Повсюду — и по его поверхности, и по песку вокруг — разбросаны обрывки бумаги с надписями на иврите, а над передним краем поднимается сухой обрубленный ствол с прибитой перекладиной, напоминающий крест. Перед плитой стоит на коленях человек в черном, со шляпой на голове — он сложил руки, словно в молитве, и горестно склонился над могилой. Вокруг — ни единой души, всюду поднимаются каменистые холмы, и ни один живой росток не прерывает их мертвенное молчание. Оборванный текст на иврите на переднем плане довольно трудно прочесть, но показательно, что самые близкие к зрителю строки — это имя самого живописца и имена его сыновей, Михаэля и Эяля.

В конце своего жизненного пути главное, кем видел себя Анатолий Гуревич, — отцом. Его старший сын стал видным деятелем израильской культуры, главным режиссером единственного в Иерусалиме репертуарного театра, почетным доктором Иерусалимского университета. С точки зрения статуса в мире искусства, он, уроженец Израиля, добился всего того, чего его отцу-эмигранту добиться не удалось. Искусство Анатолия Гуревича еще ждет заслуженного признания.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»